УДК 070.23(1-21) + 378.4(470.5) + 821.161.1.091

Ю. А. Русина

МЕЖДУ ПОКАЯНИЕМ И ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬЮ: ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ В ПОСЛЕДНЕЕ СТАЛИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ*

Анализируются произведения начинающих поэтов и прозаиков, будущих членов Союза писателей СССР, созданные ими в 1940—1950-е гг. и опубликованные в многотиражной газете Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Литературное творчество студентов рассмотрено в контексте идей об «идеальном типе автора соцреализма» и о практиках индивидуализации советской личности, а также с учетом проблем развития культуры двоемыслия в СССР и поколенческих характеристик советских писателей. Источниковой основой статьи послужили материалы периодической печати, законодательные и архивные (делопроизводственные) документы. Выпестованные советской идеологией ориентиры сочетаются в ранних работах будущих известных литераторов с выраженной потребностью отстаивания собственного «я» и исповедальными началами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социалистический реализм; университетская периодическая печать; литературное творчество; практики индивидуализации; советское студенчество.

«Раз весь коллектив поддерживает — значит, не ошиблись мы в выборе невест», — говорит расчувствовавшийся жених из очерка Владимира Разумневича, напечатанного в университетской многотиражке «Сталинец» в 1951 г. [Разумневич, 1951а]. Как юмористический рассказ, достойный пера Михаила Зощенко, воспринимается сегодня его репортерский материал о трех студенческих свадьбах. Вначале мы видим четверокурсников, «важных и сияющих с самого утра», т. к. у них на курсе сразу три свадьбы. Все виновники торжества «как на подбор: отличники и комсомольские активисты». Гости также им под стать: «куда ни посмотришь — кругом за столом сидят либо члены комсомольского комитета, либо университетские профсоюзные организаторы, агитаторы, участники художественной самодеятельности...». Ко времени пришлась и разбитая «к счастью» чашка (как видим, комсомольцы все же верят в приметы). Само застолье напоминает «заседание комсомольского актива» с предоставлением «слова для доклада» и выразительным декламированием поздравительных телеграмм. В посланиях желают «юным супругам смело и слаженно шагать по жизни», потому что «вместе веселее и легче шагать». И от слов этих «хорошо и празднично становится на душе у молодоженов». Тогда-то и изрекает один из женихов, утвердившись в правильности своего выбора, приведенные выше слова. А заканчивается застолье, конечно, песнями. Первая чета поет свою любимую: «Дети разных народов, / Мы мечтою о мире живем...»

* Работа выполнена при финансовой поддержке правительства Свердловской области и РГНФ-Урал в области проведения научных исследований («Разномыслие уральских студентов 1940 – 1950-х гг. (по материалам университетской периодической печати и студенческого литературного самиздата»). Проект № 13-11-66001 а/р.

© Русина Ю. А., 2014

Первый номер университетской газеты «Сталинец» вышел в субботу, 21 февраля 1942 г. Это была вузовская многотиражка, орган ректората, партбюро и профкома, а также учебно-производственная газета факультета журналистики Свердловского (с 1946 г. Уральского) государственного университета им. А. М. Горького. Ее издание должно было осуществляться силами студентов под руководством кафедры печати. Однако история газеты начинается гораздо раньше, в 1933 г., а шесть лет ее биографии связаны со Свердловским коммунистическим институтом журналистики (КИЖ). После того, как КИЖ стал одним из факультетов госуниверситета, газета студентов-журналистов приобрела новый статус. Поэтому первый номер университетского «Сталинца», появившийся в феврале, в действительности был уже 353-м выпуском многотиражки. В русле перемен 1956 г. газета поменяла название, отказавшись от имени Сталина, в пользу точно определяющего ее принадлежность — «Уральский университет».

Что касается рассматриваемого периода, то вот еще несколько общих характеристик газеты: в 1942—1953 гг. она выходила тиражом 500 экземпляров на двух полосах формата А3, годовая подшивка газеты составляла, как правило, 44 номера. Стоил «Сталинец» до 1949 г. 15 копеек, позднее — 10.

Содержание университетской газеты прежде всего было подчинено учебно-воспитательной тематике и внеучебной жизни студентов. Заголовки говорят сами за себя: «Воспитывать кадры по-сталински», «Дело чести», «Физкультура не в почете» (примечательно, что о нелюбви студентов к этому предмету рассказывают «статьи-тезки» из газетных номеров за 1942 и 1948 гг.), «О культуре студента», «Опыт работы студенческого научного общества», «О дисциплине», «О самостоятельной работе студентов», «Улучшить состояние общежитий», «Во имя знаний», «Упорство», «На повестке дня вопросы идейного воспитания» и др. Газета исправно отчитывалась о заседаниях ученого совета университета, успеваемости студентов, успехах отличников, научных конференциях, деятельности литературно-творческого кружка, лыжных соревнованиях и плохой работе столовой (больная тема на протяжении нескольких лет).

Примечательным явлением послевоенной вузовской многотиражки были стихи, проза, юмористические произведения студентов, которые печатались «россыпью» на разных полосах газеты, включая первую, иногда с подзаголовком «Наше творчество», или объединяясь в специальную рубрику «Литературная страница», появлявшуюся один-два раза в год и занимавшую одну из полос целиком. Чаще всего это были майские и ноябрьские праздничные номера. В 1952—1953 гг. «Литературная страница» получила уточняющий подзаголовок «Молодые голоса». Анализ годовых подшивок многотиражки показал, что в среднем в каждом третьем номере за 1945—1953 гг. (подшивки 1942—1944 гг. не участвовали в подсчете ввиду плохой сохранности) мы встречаемся с литературным творчеством студентов.

Возвращаясь к процитированному в начале статьи отрывку из студенческого очерка, обратимся к известным рассуждениям М. Чудаковой, которая, характеризуя литературные поколения советского времени, в послевоенную группу выделяет писателей, родившихся в 1911—1923 гг. Литературовед

говорит, что их первые творческие шаги совпали с попытками первой «оттепели», послаблением, произошедшим в 1943 г. Однако «остановка» наступила очень скоро, уже в 1946 г. И затем, почти на 10 лет литературная эволюция остановилась и возрождение пришло только с «шестидесятниками» [см.: Чудакова, с. 83].

Очерк будущего детского писателя В. Разумневича, напечатанный в студенческой многотиражке в начале 1950-х г., довольно красочно демонстрирует социально-психологический спектр послевоенного студенчества и свойственные этому времени журналистские штампы. Мы видим здесь страту комсомольской номенклатуры с традиционным комплексом ее поведенческих и лексических проявлений. Кто-то поверит в искренность автора и его героев, а кто-то вспомнит о «культуре двоемыслия», присущей советскому человеку, глубоко проанализированной в недавней работе известного российского социолога Б. М. Фирсова, когда следование лозунгам и канону было залогом самосохранения или карьерного роста [см.: Фирсов, с. 61—74].

Более жестко, не о двоемыслии, а о лицемерии говорит другой современный ученый, применяя философский исследовательский арсенал. Рассматривая практики индивидуализации в Советском Союзе или то, как люди делали себя индивидами, О. Хархордин связывает советскую индивидуализацию с лозунгами и практиками воспитания нового человека. Одной из центральных идей, выраженных в термине «индивидуализм», является идея развития собственного «я», самосовершенствование [Хархордин, с. 7—8, 10]. Характеризуя советскую личность тоталитарного общества, философ отмечает уход от исповедальных практик и становление феномена массового лицемерия, а точнее, притворства как способа прикрытия личной сферы. По его мнению, «именно лицемерие стало центральной практикой, создавшей в сталинскую эпоху частную сферу, неподвластную контролирующему надзору» [Там же, с. 347—348]. Сравнивая то, как личность становится субъектом познания и действия в советских условиях и в Западной Европе, О. Хархордин определяет центральной практикой субъективизации для советского человека п о к а я н и е, а для европейского — и с п о в е д а л ь н о с т ь. При этом «советский индивид узнает о себе и своей личности через публичное обсуждение его персональных качеств», а не благодаря походам к психоаналитику или ведению личного дневника, как европеец [Там же, с. 472—473]. О покаянии в контексте генезиса литературного творчества говорит и филолог М. Чудакова: «Вектор социума в начале 30-х годов все отчетливее указывал в сторону лишь одного-единственного способа рассказа о сложностях душевного и духовного роста — полного и безоговорочного покаяния самого автора» [цит. по: Круглова, с. 196]. Однако О. Хархордин признает, что «островки исповедальных практик» сохранились в советской жизни 1920 — 1930-х гг., а также отмечает их «феноменальное послевоенное распространение в результате копирования культурных образцов, принесенных западными фильмами, романами и музыкой» [Хархордин, с. 481].

Современная филология рассматривает исповедальность в художественном произведении как «повествование от первого лица с целью примирения

с внутренним “я” через осмысление вслух своих поступков», при этом рефлексия близкого автору героя направлена прежде всего на себя [Садовникова, с. 6].

Исповедальность стала яркой приметой отечественной прозы и поэзии периода «оттепели» 1960-х гг., свидетельствуя об усилении интереса к внутреннему миру частного человека, о стремлении к подробному воссозданию его душевной жизни. Характерными чертами художественных произведений этого времени стали обращение к изображению рядового человека, максимальная близость автора к герою, самоописание и самопознание, сопряженность с иронией, как средством выражения мировоззренческой позиции, эмоциональная подлинность, искренность, внимание к тонким, трудноуловимым душевным движениям, поиск духовной свободы в человеке, соединение лирического, исповедального начала с глубоким философским подтекстом [Там же, с. 10, 12—13, 15, 18; см. также: Адрианова, с. 5]. В то же время, выражая протест против сложившихся стереотипов и штампов мышления, отстаивая право человека на собственное мнение, на индивидуальность, «исповедальная проза» 1960-х тем не менее не подвергала сомнению идеологические основания советской системы в целом [см.: Адрианова, с. 6].

Стихи и проза студентов второй половины 1940-х — начала 1950-х гг., донесенные до нас вузовской многотиражкой «Сталинец», оказались во временном интервале между двумя «оттепелями»: 1) вызванной военными годами, очень коротким «послаблением», не давшим, по словам М. Чудаковой, развиться новому в литературе; и 2) хрущевской, также недолгой, но отразившей более значительные перемены в жизни общества и породившей или возродившей исповедальную прозу и поэзию.

Исповедальные интонации слышны в художественных произведениях первых послевоенных поколений студентов, многие из которых, будучи совсем юными, прошли фронт и чувствовали огромную внутреннюю потребность поделиться пережитым.

Фронтовик и поэт-переводчик Юрий Абызов[1], известный в университете своими переводами Юлиана Тувима, Роберта Сервиса, английских солдатских песенок и размашистой стихотворной ступенькой, видимо, в подражание Маяковскому, рисует университетскую канцелярию 1944 г. Название произведения («Четвертая комната») звучит несколько неожиданно на фоне привычных для военного времени заголовков: «Месть», «Гроза», «Родине», «Час придет», «Другу-фронтовику» [см.: Богад; Тарасов; Зотов; Близкий]. А у современного читателя может вызвать ассоциацию с неким детективно-фантастическим сюжетом. Да и содержание, хотя и посвящено, казалось бы, критике организации работы канцелярии, но воспринимается как авторское впечатление или переживание действительности, создавая яркие зрительные образы и ощущение присутствия в этой комнате. Упоминание о Вавилоне в финале

[1] Юрий Иванович Абызов (1921—2006) — уроженец г. Реж Свердловской области, член Союза писателей СССР, в постсоветские годы — создатель и председатель Латвийского общества русской культуры.

стихотворения говорит о желании поэта с предельной выразительностью показать свое состояние и, несомненно, свидетельствует об эрудиции 23-летнего поэта. Мы видим «свирепого бухгалтера», наблюдаем, как толпа студентов, будто выстроившиеся четкой лесенкой слова, «тесной стеной обступают кассира», чувствуем в руке и у собственного уха тяжелую, черную, шершавую, похожую на гантель, телефонную трубку.

Войдешь, —
и сейчас же,
у самого входа,
Забудешь,
каким
занесло сюда ветром.
Как ухитряется
столько
народа
Втиснуться
в десять
квадратных метров?
Бухгалтер,
склонившись
над толстым гроссбухом,
Свирепо
костяшки
бросает на счетах;
От шума и гвалта
заткнув оба уха.
Кричит
в телефонную трубку
кто-то.
Налево
сорок четыре студента
Тесной
стеной
обступили
кассира.
И тут же
решают
два оппонента
Устройство
послевоенного мира;
Три секретарши
во рвеньи огромном
Носятся
с шумом,
как в битве танки;
Забившись за шкаф,
в уголок укромный,

Сидят
журналисты
и правят гранки.
Стою,
обалдев
от табачной гари я,
В ушах
не смолкает
гулкий трезвон.
Если
это
зовут
«канцелярия»,
То, что же,
скажите
тогда Вавилон?

[Ю. А.]

Другой стихотворный студенческий опыт, дошедший до нас благодаря «Сталинцу», принадлежит незаурядному человеку, поэту, переводчику, литературоведу, уникальному знатоку поэзии Серебряного века Виктору Рутминскому [см.: Русина, 2011; 2013][2]. Как в части литературной формы, так и в содержательном смысле это стихотворное произведение, несомненно, стоит особняком по отношению к большинству художественных публикаций вузовской газеты. Символично и то, что напечатано оно было в самом нижнем (правом) углу последней полосы газеты, будто едва найдя себе место. Название его также выбивается из общего ряда: «Мои ямбы» [3]:

На свете часто сущая нелепость
Служить нам может камнем преткновенья.
Вчера часу, наверное, в девятом
Я забежал в святилище науки,
Чтоб получить (o tempora, o mores!)
На этот месяц карточки на хлеб.
Кругом клубились скопища народа,
Их было больше, чем арабов в Мекке
И чем солдат в войсках Ассаргадона.
И я стоял и ждал, нахмуря бровь.
Часы текли, как сказано у Блока,
Монументальной поступью столетий,

[2] Виктор Сергеевич Рутминский (1926–2001) – литературовед, знаток поэзии Серебряного века, поэт-переводчик с польского, финского, венгерского, немецкого и других языков. Был осужден в 1947 г. по ст. 58.10 за «антисоветские, клеветнические стихи» на 6 лет лагерей. Лауреат премии губернатора Свердловской области «За достижения в области литературы и искусства» (1999).

[3] Стихотворение Виктора Рутминского «Мои ямбы» ранее не было известно, обнаружено в газетных подшивках за 1945 г. в ходе данного исследования.

И под конец, как истый метафизик,
Я усомнился в том, что есть движенье,
Поскольку мир стоял неколебим.
Я простоял, быть может, двое суток,
А, может быть, немножечко поменьше,
Но наконец увидел близость цели
И просветлел смущенною душой.
Но тут узнал я от прелестной феи,
Что выдавала карточки свирепо,
Что я не что иное есмь, как субчик.
(Таким экстравагантным русским словом
У ней именовались все студенты,
Как мне позднее довелось узнать.)
И, получив свое земное счастье,
Я все ж предался горьким размышленьям
И утонул в болоте пессимизма.
Доколе бесхозяйственность людская
В подобном роде будет нас терзать?
Доколе нам отсутствие культуры
Вгрызаться будет в уши лютым зверем,
Доколе же?! О жалкий жребий мой!

[Рутминский]

Автор этих строк воспринимается зрелым, эрудированным человеком, с ярким поэтическим даром, хотя написаны они 19-летним юношей. В ироничной форме он рисует довольно унизительную картину обстановки, сопровождающей получение хлебных карточек. Жанр басни, который угадывается с первых строк, подтвержден наличием небольшого сюжета и закреплен моралью в финале. Необычна стихотворная форма, в которой нет рифмы, но твердо выстроенный ритм позволяет крепко держаться всей поэтической конструкции. Молодой поэт виртуозно пользуется синтаксисом, заключая в скобки свои комментарии и, таким образом, помещая себя как бы внутрь события. Так же мастерски он применяет метафору и гиперболу: например, заставляет читателя явственно ощутить себя в атмосфере толпы («Кругом клубились скопища народа...»). Прием заимствования, неоднократно привлекаемый в стихотворении, демонстрирует литературную эрудицию студента-филолога: мы слышим здесь голоса Гомера, Некрасова, Блока, оперного Онегина. Об общих широких знаниях и тонком чувстве языка говорят упоминания места главной святыни мусульман, имени ассирийского царя, жившего в VII в. до н. э., философского метода, противоположного диалектике, цитирование латинской пословицы и применение древнерусского глагола в сочетании с современным вульгаризмом.

Интересно, что оба начинающих поэта, которые, кстати, были друзьями, нашли одно и то же определение для характеристики университетских функционеров. У Абызова — бухгалтер, «свирепо» расправляющийся с костяшками счет. У Рутминского — сотрудница, возможно бухгалтерии или той же канцелярии, «свирепо» выдающая карточки на хлеб. Хотя в последнем случае по законам жанра она названа «прелестной феей», но перед глазами читателя

возникает совсем другой образ, и тем ярче диссонанс, которого, вероятно, и стремился достичь поэт.

Исповедальные оттенки проявляются в теме возвращения к мирной жизни, характерной для творчества студентов, прошедших войну. Их взросление и личностное становление было ускорено и скорректировано экстремальными условиями фронтовых дорог и теперь тревожило забытое и ставшее непривычным состояние штатского человека. Возможно, для того, чтобы смягчить этот непростой переход, они искали опору в довоенной школьной дружбе, вспоминали сверстников, погибших на фронтах Великой Отечественной, пытались осознать свой ранний жизненный опыт, понять, что потеряли и что стало неотъемлемой частью их натуры.

Очень искренне звучит эта тема в начале рассказа Иосифа Гершенбаума «Наша юность» [Гершенбаум, 1947а][4]. Одноклассники, чей выпускной вечер совпал с началом войны, собрались, чтобы вспомнить погибших друзей. Это для них «стоят на круглом столе пустые стаканы, будто они еще могут прийти в эту комнату». «Наша юность» — это об их довоенном времени, хотя им по двадцать с небольшим. «Мы чуть моложе страны. Нам двадцать пять, а Родине — тридцать», — не удерживается от пафоса автор. Но крепка связь с довоенной юностью, о чем свидетельствуют четыре старых номера ученического журнала, выпущенного школьным литературным кружком, объединившим когда-то шестерых любителей поэзии. Воспоминания ребят не истерты, не выцвели, от них веет душевным теплом: «Хорошо бывало вечером, когда гуляла по переулкам метель или трещал от мороза воздух, сидеть, слушать стихи и без конца спорить о ком-нибудь из великих». Выразительны образы юноши и девушки, которые больше никогда не придут на встречу одноклассников. Он, собираясь учиться в студии МХАТ, читал Маяковского «качаловским голосом». А ее, всегда видевшую в любом произведении «сотню сюжетных линий... и переплетение коллизий», тараторившую «звонким, как колокольчик, голосом» так, что никто не мог остановить, всегда выбирали секретарем на комсомольских собраниях, чтобы она, вынужденная вести протокол, «меньше говорила». В этом рассказе самое ценное — чувство дружбы и ощущение единой судьбы предвоенного поколения выпускников, а также память о невернувшихся. Хотя автору совершенно не чужды обличительные, лозунговые ноты в духе воспитания нового человека, которые стали настолько звучными в финале рассказа, что практически заглушили его исповедальность. Конечно, если усомниться в искренности этой авторской лозунговости.

Тема возвращения близка творчеству будущего уральского поэта и прозаика Льва Румянцева, принадлежащего к тому «опаленному поколению» 1923—1924 годов рождения, из которого в живых осталось всего три процента[5]. Раз-

---

[4] Иосиф Абрамович Гершенбаум (псевдоним *Герасимов*) (1922—1991) — член Союза писателей СССР, журналист, драматург, киносценарист.

[5] Лев Григорьевич Румянцев (псевдоним *Григорий Львов*) (1924—1995) — поэт, писатель и драматург, автор сказок и фантастических рассказов. В течение долгих лет руководил отделом прозы и поэзии в журнале «Уральский следопыт».

мышляя о возрождении мирной жизни в стихотворении «Скамейка», опубликованном в 1946 г., он очень поэтично обращается к образу этого предмета парковой архитектуры:

Он шел задумчиво домой...
Сосульки в солнце стали уже,
И баба снежная с метлой
Углями глаз смотрела в лужу.
Он вспомнил год, когда мороз
Дверную ручку делал клейкой,
Когда в холодный дом принес
Кусок разобранной скамейки.
Жена тогда варила суп.
Детишки жадно грели ноги. ...
... Мы победили. Все прошло.
Смеются дети звонким смехом,
Но только в сквере, как назло,
Торчат два столбика из снега...
...Весь вечер он строгал доску.
Ходил два раза мерить рейкой.
Скатилась капля по виску,
Когда он вынес в сквер скамейку...

[Румянцев]

Скамейка здесь — символ новой жизни. Мальчишки, пришедшие с боевых полей, понимали, что придется восстанавливать разрушенное хозяйство страны, и были готовы к трудностям. Поэтому и «катится капля по виску», поэтому и режут глаз «торчащие из снега столбики». Главным здесь представляется именно желание героя вернуть скамейку, разрушенный атрибут мирной жизни, на прежнее место. Можно в этом стихотворении, наверное, найти и элемент покаяния: все-таки пришлось когда-то нарушить довоенную гармонию сквера ради супа и тепла.

Учитывая, что все названные авторы «Сталинца», за исключением Виктора Рутминского, нашли себя в жизни и утвердились на соцреалистическом литературном поприще, хотелось бы обратиться к интересным размышлениям культуролога Т. А. Кругловой об «идеальном типе автора соцреализма». Подчеркивая, что «идеальный тип» — это конструкция некой теоретической схемы или средство анализа, позволяющие делать определенные обобщения [Круглова, с. 190—191], исследователь выделяет несколько характеристик идеального автора соцреализма.

У такого автора всегда есть «насущная потребность во внешнем задании, заказе, ориентире, руководстве». Он создает произведение не для себя, а для партии, народа, Союза писателей. «Соцреалистический автор не понимает искусство как сферу самовыражения, он всегда тяготеет... к жизнеподобию». Соцреалистическому автору чужда рефлексия, т. к., отмечает культуролог, ссылаясь на М. Чудакову, самоанализ и рефлексия отторгаются социумом 1930-х гг., а позже понятны ему лишь в контексте критики «формализма».

Идеальный автор однозначен в противоположность амбивалентности врага, «чужого». Он нуждается в соавторстве, роль которого выполняют читательские конференции, письма зрителей, художественные советы, цензура, редактура. В связи с этим для соцреалистического автора большое значение имеет публичность: интервью, встречи с публикой, высказывания в прессе и т. п. «Высоким статусом в соцреализме пользуется Мечта, Утопия, Будущее». «Важнейшей эстетической категорией» Т. А. Круглова называет чувство вины [Круглова, с. 192—195]. А «вместо тайны творчества появляется другой сильнейший эмоциональный источник — энтузиазм» [Там же, с. 199]. Профессионализм художника в соцреализме «измеряется уровнем его административной должности или общественно-политической номенклатуры» [Там же, с. 201].

Молодых авторов «Сталинца» волновал вопрос, все ли писатели искренни, когда следуют в своем творчестве духу партийных постановлений, или кто-то ставит себя в рамки необходимости. Они рассуждали об этом в частных беседах, предполагая, что «две трети писателей не прониклись духом последних постановлений, а пишут так, потому что... иначе нельзя» [Тетрадь для протоколов...]. Из протоколов заседаний университетского литературно-творческого кружка середины 1940-х, объединившего будущих известных уральских поэтов и писателей, становится очевидным, что для пишущих студентов одним из самых больших грехов было двойственное мировоззрение поэта. «Нельзя писать одно для себя, а другое — для “Сталинца”, — утверждали они, — Стоит ли растрачивать свои силы на какое-то субъективное восприятие мира...», если такая работа не может быть опубликована [Там же]. Читая протоколы кружка, с горечью ощущаешь, как сопротивляется молодость неизбежности двоемыслия, как стремится к открытому творчеству: мысли должны быть чистыми и для себя, и для «Сталинца», но многие уже понимают, что «иначе нельзя», «писать надо в духе последних постановлений». Повезло тем, кому не приходилось себя ломать и чья вера совпадала с этим «духом».

Следует признать, что многие из молодых поэтов и прозаиков, в той или иной степени уже на студенческой скамье подстраиваясь под ситуацию, начинали движение в сторону «идеального типа соцреалистического автора». Несомненно, способствовала этому движению и воспитательная деятельность партийно-комсомольского актива университета.

Вернемся к рассказу И. Гершенбаума «Наша юность». В финале автор будто задается целью соответствовать рассмотренному «идеальному типу». Вся лиричная тональность произведения, живые характеры героев теряются за какофонией кондовой газетной лексики 30-х гг. И эта жирная точка кажется кляксой на чистой ткани предыдущего текста. Советская юность противопоставляется «юности в дворянском гнезде... гнилым гимназическим годам», она олицетворяется со «счастливыми песнями на строительстве корпусов Уралмаша», а в заключительных строках поднимается та самая хрестоматийная мечта о «будущей юности на советской земле» [Гершенбаум, 1947а].

Герои другого произведения Гершенбаума, повести «Студенты», которая частями печаталась в газете, каждый по-своему испытывают чувство вины пе-

ред страной. Один — потому что, будучи «белобилетником», не попал на фронт; другой, воевавший, стараясь наверстать упущенное и понимая, как нужны хозяйству специалисты, торопится «быстрее бы институт кончить, да на завод...»; третий, напротив, «испугался, что не сумеет написать диплом... дескать, практика недостаточна, мало на заводе побыли». Но звучный гудок «нашего завода» будто отпустил, облегчил их «грехи», «обещая каждому из них счастливый рассвет грядущего завтра, полного жизни и труда» [Гершенбаум, 1947б].

После известных постановлений оргбюро ЦК ВКП(б) 1946—1948 гг. в области культуры — «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», «О репертуаре драматических театров» (август 1946), «О кинофильме "Большая жизнь"» (сентябрь 1946), «О журнале "Крокодил"» (сентябрь 1948 г.) и др. — парторганизация университета особенно остро чувствовала свою ответственность за содержание вузовской многотиражки. В протоколах ее заседаний мы встречаем неизменно знакомую лексику, которая сегодня может служить одним из признаков датировки советских документов: «...большие недостатки имеет университетская многотиражная газета "Сталинец"... в ней опубликован ряд безыдейных, слабых в художественном отношении произведений... недостаточно освещалась комсомольская и партийная жизнь университета, не было боевой большевистской критики» [ЦДООСО, л. 66—67].

Партийные постановления по вопросам литературы и искусства повлияли на работу кафедры русской литературы, которая в 1947 г. начала пересматривать лекционные курсы, повышая «их идейность и качество... уделяя больше внимания принципам партийности и народности русской литературы прошлого... разрабатывая актуальные проблемы социалистического реализма» [Малькова].

На университетской скамье старательно воспитывали «идеального соцреалистического автора», о чем свидетельствуют в том числе полосы вузовской многотиражки. Здесь регулярно появляются заметки-отчеты о результатах обсуждения студенческого творчества, где «дают характеристику героям, отмечают удачные и неудачные места», критикуют авторов, «неправильно осветивших отношение бойцов нашей армии к советской девушке», «изучают важнейшие творческие проблемы советской литературы», проводят университетские собеседования на тему «Самая передовая в мире литература» [см.: Творческий кружок...; Ивановский; В литературно-творческом кружке; Леонидова]. Показателен разбор, а точнее, разгром, рассказа студента Биндера «Томочкины слезы», который газета наградила эпитетом «порочное творение». Автор подвергся жесткой критике за то, что его героиня — «пошлый человек, обманщица, мещанка... исправляется сама по себе... без какого-либо влияния коллектива», в то время как «товарищ Биндер проповедует гнилую теорию самоусовершенствования». Да и сам автор далек от «административных постов и общественно-политической номенклатуры», «оторван от общественной жизни» и замечен в страсти к «пошлым анекдотам» [О работе литературно-творческого кружка]. Видимо, прежде всего во избежание новых отклонений от генеральной линии начинающих поэтов и прозаиков приглашают на областные совещания молодых писателей, где обращают их внимание «на культуру слова,

на высокую ответственность перед народом», о чем подробно рассказывает газета [Боголюбов].

Имя Владимира Разумневича[6], чей очерк цитировался в начале статьи, довольно часто можно видеть среди авторов «Сталинца» конца 1940-х — начала 1950-х гг. Окончив университет, он стал хорошим детским писателем. Электронные версии его книг сегодня выставлены на сайтах детской литературы наряду с произведениями Виталия Бианки, Виктора Драгунского, Николая Носова и других советских авторов, писавших для детей. Уже в студенчестве Разумневич выделялся легким и богатым слогом, умел увлечь читателя. За годы учебы им опубликовано в университетской многотиражке более десятка художественных произведений. Однако содержание и стилистика рассказов твердо выдержаны в парадигме соцреализма сталинского времени, благодаря чему мы можем наблюдать реализацию практик становления советской личности. Трудно судить о раннем творчестве Разумневича в контексте проблем лицемерия или двоемыслия, но советская индивидуализация с лозунгами и практиками воспитания нового человека проявилась в нем довольно ярко.

В рассказе «В новую семью» повествование ведется от имени молодого человека, покинувшего родной дом среди «пышных колхозных садов» ради учебы в университете на Урале [Разумневич, 1949а]. Главное, с чем связаны его волнения, — «не останется ли он в одиночестве» в чужом, незнакомом городе. Но встреча в поезде со студентами университета, куда он собрался поступать, помогает пареньку преодолеть тревогу о будущем, утвердиться в выборе пути и влиться в стройный студенческий хор, «не нарушая ритма песни». Присутствует здесь и «кудрявая голубоглазая девушка со звонким голосом» как обещание встречи с любовью. Но не обошелся автор без обязательного и ожидаемого воспитательного контекста. Так, старший товарищ-студент, с которым «быстро сблизились и проболтали весь вечер о любимых писателях, о будущем», поучал абитуриента: «У нас в университете все студенты равны, но крепче уважают тех, кто для коллектива стремится больше сделать».

В качестве закадрового героя рассказов «Два письма» и «Отец» появляется фигура «вождя народов». Так, в «Двух письмах» рабочие и колхозники пишут послания Сталину о своих трудовых успехах. При этом первые строки прозы Разумневича созвучны с визуальным рядом известного фильма «Кубанские казаки»: бригадир колхоза «Рассвет», отправленный на областной слет передовиков сельского хозяйства, в перерыве между заседаниями идет в картинную галерею, где на одном из полотен узнает себя [Разумневич, 1949б]. А в рассказе «Отец» пожилая женщина, отвечая на жалобы приемного сына Вовки, которого мальчишки во дворе дразнят «безотцовщиной», успокаивает: «Есть отец у тебя. Им весь мир гордится». При этом она «любовно смотрит на висевший над Вовкиной кроватью портрет дорого человека», у которого «столько мудрости и доброты в прищуренных глазах» [Разумневич, 1950б].

---

[6] Владимир Лукьянович Разумневич (1928—1996) — член союза писателей СССР, журналист, детский писатель.

Рассказ-нравоучение «Шпаргалка» повествует, как борется со своим постыдным желанием студент, искушаемый спасительными листочками, лежащими в кармане [Разумневич, 1951б]. Перед ним — дилемма. Или нечестным способом получить хорошую отметку на экзамене по старославянскому, или отсутствием знаний разочаровать уважаемого преподавателя. «Шпаргалка нависала над его комсомольской совестью, мешала думать», но мудрым и все понимающим оказался профессор, с честью вышел из этой непростой нравственной схватки и студент.

Не таким идеологически ориентированным, как процитированные выше, воспринимается сюжет рассказа «Анина профессия» [Разумневич, 1950а]. Он начинается красивым описанием степного пейзажа: «Аня нервничает. Ей никак не удается передать на бумаге всю прелесть степного раздолья. Оно распласталось под солнцем как живое, трепещущее и теплое. Издали кажется, что степь дышит, вздымает и опускает под ветерком свою волнистую грудь. Хочется, чтобы и на рисунке безбрежный, широко разлившийся золотой океан пшеницы был полон движения, чтобы от рисунка веяло сдобным хлебным запахом, которым, как печь, изобильно пышет степь». Смысловая задача произведения — доказать важность и нужность профессии художника, к которой иногда скептически, с непониманием относятся на селе. Здесь главная героиня — не производитель материальных ценностей для народа, а представитель творческой профессии, интеллигенции. Это очень редкий случай на страницах «Сталинца». Хорош (впрочем, как всегда у Разумневича) слог рассказа, увлекателен слегка детективный сюжет: какое-то время было неизвестно, кто рисует для сельской стенгазеты карикатуры, поразительно похожие на проштрафившихся колхозников. Можно сказать, что через художницу Аню здесь проявлена практика утверждения собственного «я» благодаря профессиональному признанию и вопреки устоявшимся классовым стереотипам.

Находим ли мы в рассмотренных произведениях стремление авторов к самовыражению, узнаванию, пониманию или изменению себя? Ответ конечно же положительный, даже учитывая, что «самосовершенствование — это гнилая теория». Личность ярко проявлена в работах В. Рутминского, Ю. Абызова, в определенной степени — Л. Румянцева. Здесь «я» отстаивается не только в творческом, но и в человеческом смысле. Желание выразить искренние чувства и осознанная, искренне прочувствованная необходимость облечь их в покаянную или обличительную интонацию при помощи политически значимой терминологии видится в раннем творчестве И. Гершенбаума. Советский вариант новозаветных практик находим в результатах студенческого литературного опыта В. Разумневича, где явно просматривается выпестованный советской идеологией ориентир.

Стремление к максимально реалистичному описанию действительности с корректировкой в угоду идейности, обязательные разговоры о мечте-будущем, зависимость от одобрения как своих товарищей журналистов и филологов, так и мало что смыслящих в литературе партийно-комсомольских активистов — характерные черты большинства публикаций «Сталинца» последнего сталинского десятилетия.

В то же время нельзя не подчеркнуть значения самого факта публикации студенческих литературных произведений в университетской многотиражке. Благодаря сохранившимся газетным подшивкам мы можем увидеть истоки литературного творчества талантливых уральских поэтов, прозаиков, журналистов, коснуться социально-психологических аспектов художественных произведений последнего сталинского десятилетия — кануна нового восхождения исповедальной литературы. Уже в середине 1950-х гг. рождается феномен публичного чтения стихов в музеях и на площадях, творческая и социальная активность молодежи выплескивается на страницы разрастающегося студенческого литературного и социально-политического самиздата, множатся практики отстаивания собственного «я» и в литературном творчестве.

Адрианова М. Д. Авторские стратегии в романной прозе А. Битова : автореф. дис. ... канд. филол. наук.СПб., 2011. [Adrianova M. D. Avtorskie strategii v romannoj proze A. Bitova : avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2011.]

Близкий С. Другу-фронтовику // Сталинец. 1945. 3 октября. [Blizkij S. Drugu-frontoviku // Stalinets. 1945. 3 oktyabrya.]

Богад Е. Месть // Сталинец. 1942. 26 марта. [Bogad E. Mest' // Stalinets. 1942. 26 marta.]

Боголюбов К. В. Члены литературного кружка на совещании молодых писателей // Сталинец. 1948. 18 марта. [Bogolyubov K. V. Chleny literaturnogo kruzhka na soveschanii molodykh pi-satelej // Stalinets. 1948. 18 marta.]

В литературно-творческом кружке. Беседа с руководителем кружка тов. Б. Ф. Закс // Сталинец. 1948. 18 февраля. [V literaturno-tvorcheskom kruzhke. Beseda s rukovoditelem kruzhka tov. B. F. Zaks // Stalinets. 1948. 18 fevralya.]

Гершенбаум И. Наша юность // Сталинец. 1947а. 7 ноября. [Gershenbaum I. Nasha yunost' // Stalinets. 1947a. 7 noyabrya.]

Гершенбаум И. Студенты // Сталинец. 1947б. 1 января. [Gershenbaum I. Studenty // Stalinets. 1947b. 1 yanvarya.]

Зотов А. Родине // Сталинец. 1942. 26 марта. [Zotov A. Rodine // Stalinets. 1942. 26 marta.]

Зотов А. Час придет // Сталинец. 1942. 26 марта. [Zotov A. Chas pridet // Stalinets. 1942. 26 marta.]

Ивановский Л. На литературно-творческом кружке // Сталинец. 1946. 29 октября. [Ivanovskij L. Na literaturno-tvorcheskom kruzhke // Stalinets. 1946. 29 oktyabrya.]

Круглова Т. А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург, 2005. [Kruglova T. A. Sovetskaya khudozhestvennost', ili Neskromnoe obayanie sotsrealizma. Ekaterinburg, 2005.]

Леонидова Е. Самая передовая в мире литература // Сталинец. 1947. 17 ноября. [Leonidova E. Samaya peredovaya v mire literatura // Stalinets. 1947. 17 noyabrya.]

Малькова М. На кафедре русской литературы // Сталинец. 1947. 4 апреля. [Mal'kova M. Na kafedre russkoj literatury // Stalinets. 1947. 4 aprelya.]

О работе литературно-творческого кружка // Сталинец. 1949. 23 апреля. [O rabote literaturno-tvorcheskogo kruzhka // Stalinets. 1949. 23 aprelya.]

Разумневич В. Анина профессия // Сталинец. 1950а. 1 мая. [Razumnevich V. Anina professiya // Stalinets. 1950a. 1 maya.]

Разумневич В. В новую семью // Сталинец. 1949а. 10 сентября. [Razumnevich V. V novuyu sem'yu // Stalinets. 1949a. 10 sentyabrya.]

Разумневич В. Два письма // Сталинец. 1949б. 7 ноября. [Razumnevich V. Dva pis'ma // Stalinets. 1949b. 7 noyabrya.]

Разумневич В. Отец // Сталинец. 1950б. 11 марта. [Razumnevich V. Otets // Stalinets. 1950b. 11 marta.]

Разумневич В. У нас в общежитии свадьба // Сталинец. 1951а. 26 октября. [Razumnevich V. U nas v obschezhitii svad'ba // Stalinets. 1951a. 26 oktyabrya.]

Разумневич В. Шпаргалка // Сталинец. 1951б. 17 февраля. [Razumnevich V. SHpargalka // Stalinets. 1951b. 17 fevralya.]

Румянцев Л. Скамейка // Сталинец. 1946. 30 апреля. [Rumyantsev L. Skamejka // Stalinets. 1946. 30 aprelya.]

Русина Ю. А. «Литература — это для меня жизнь» : дело Виктора Рутминского // Вестн. Урал. отд-ния РАН. Наука. Общество. Человек. 2013. № 2 (44). С. 145—153. [Rusina Yu. A. «Literatura — eto dlya menya zhizn'» : delo Viktora Rutmin-skogo // Vestn. Ural. otd-niya RAN. Nauka. Obschestvo. Chelovek. 2013. N 2 (44). S. 145—153.]

Русина Ю. А. Рифмы жизни : история студенческого литературного кружка УрГУ (середина 1940-х гг.) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер 2, Гуманитар. науки. 2011. № 4 (96). С. 269—285. [Rusina Yu. A. Rifmy zhizni : istoriya studencheskogo literaturnogo kruzhka UrGU (seredina 1940-kh gg.) // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser 2, Gumanitar. nauki. 2011. N 4 (96). S. 269—285.]

Рутминский В. Мои ямбы // Сталинец. 1945. 7 сентября. [Rutminskij V. Moi yamby // Stalinets. 1945. 7 sentyabrya.]

Садовникова Т. В. Исповедальное начало в русской прозе 1960-х годов : (на материале жанра повести) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. [Sadovnikova T. V. Ispovedal'noe nachalo v russkoj proze 1960-kh godov : (na materiale zhanra povesti) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2004.]

Тарасов Н. Гроза // Сталинец. 1942. 26 марта. [Tarasov N. Groza // Stalinets. 1942. 26 marta.]

Творческий кружок // Сталинец. 1946. 30 мая. [Tvorcheskij kruzhok // Stalinets. 1946. 30 maya.]

Тетрадь для протоколов заседаний литературно-творческого кружка УрГУ, 1 апреля 1947 г. — 22 ноября 1947 г. // Фонды Музея истории УрГУ. [Tetrad' dlya protokolov zasedanij literaturno-tvorcheskogo kruzhka Ur-GU, 1 aprelya 1947 g. — 22 noyabrya 1947 g. // Fondy Muzeya istorii UrGU.]

Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР, 1940—1960-е годы. История, теория и практика. СПб., 2008. [Firsov B. M. Raznomyslie v SSSR, 1940—1960-e gody. Istoriya, teoriya i praktika. SPb., 2008.]

Хархордин О. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. СПб. ; М., 2002. [Kharkhordin O. Oblichat' i litsemerit': Genealogiya rossijskoj lichnosti. SPb. ; M., 2002.]

Чудакова М. О. Заметки о поколениях в советской России // Новое лит. обозрение. 1998. № 30. [Chudakova M. O. Zametki o pokoleniyakh v sovetskoj Rossii // Novoe lit. obozrenie. 1998. N 30.]

ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 61. [TSDOOSO. F. 285. Op. 3. D. 61.]

Ю. А. Четвертая комната // Сталинец. 1944. 24 ноября. [Yu. A. Chetvertaya komnata // Stalinets. 1944. 24 noyabrya.]

Статья поступила в редакцию 28.08.2013 г.